

ПРОКСЕМИКА В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН СТРУКТУРНО– ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА

Хадикова А.Х.¹

¹Федеральное государственное учреждение науки Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО – Алания, Владикавказ, Россия (362040, РСО – Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail: e-mail:khadikovaa@mail.ru

В статье на основе анализа этнографических источников исследуется значимая часть этнокультурного наследия осетин - стереотипы, связанные с организацией domestified пространства традиционного жилища (хадзар). Проксемика рассматривается в качестве достоверного факта этнической культуры, и преимущественно в двух аспектах: как инструмент моделирования оптимальных жизненных ситуаций патриархального быта, а также в знаково-символическом контексте. Каждый из объектов, помимо прямого, т.е. утилитарного предназначения, имел еще и ярко выраженный ритуально-символический подтекст. Сутью проксемических стереотипов являются конкретные пространственные стандарты и соответствующие поведенческие регламентации в «зонах» предметно-локусов. Стратификация пространства, будучи материальным и зримым воплощением категорий нравственного порядка, способствовала его семиотическому осмыслению и культурной трансляции.

Ключевые слова: проксемика, традиционное жилище, этнические стереотипы, стандарты и атрибуты, структурирование domestified пространства, традиционный этикет.

PROXEMICS IN THE ETHNIC CULTURE OF OSSETIANS: SCULTURAL- TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE INTERNAL SPACE OF THE A TRADITIONAL HOME

Khadikova A.K.¹

¹ Federal State Institution of Science "North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Researches after V. Abaev" Science Center of Vladikavkaz of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Mira avenue, 10), e-mail:khadikovaa@mail.ru

On the basis of the analysis of ethnographic sources studied a significant part of the ethno-cultural heritage of the Ossetians - the stereotypes associated with the organization of space traditional dwelling (khadzar). Proxemics seen as a reliable fact of ethnic culture, and mainly in two ways: as a tool to model the optimum life situations patriarchal way of life, as well as symbolic - symbolic context. Each of the objects, in addition to direct, i.e. utilitarian purpose had also pronounced the ritual - symbolic overtones. The essence proksemieskih stereotypes are specific spatial standards and related behavioral regulation in the "zones" of subjects - loci. Stratification of space, material and being visible embodiment of the categories of the moral order, contributed to his understanding the semiotic and cultural translation.

Keywords: proxemics, traditional dwelling, ethnic stereotypes, standards and attributes structuring traditional dwelling, traditional etiquette.

Стереотипы общения и поведения в статусе хранителя этнических традиций являются значимой исследовательской сферой этнологии. Этностереотипы, в том числе и проксемические (связанные со способами структурирования пространства), создают неповторимый колорит любой культуры и в значительной степени характеризуют этнический габитус современных народов. Не ставя перед собой цели теоретизировать проблему, уточним, что рассматриваем стереотип в качестве достоверного факта этнокультуры, ее своеобразного маркера. Для осетин, как и многих других народов, актуализация этностереотипов в существенной мере является фактором этничности [9].

Стереотипы, связанные с проксемикой, как и пространственная модель действительности в целом, отражают присущие этносу мировоззренческие взгляды, этнографические и даже исторические реалии его этнокультурного развития. В данном контексте традиционное жилище — это картина мира, суженная до обозримых границ, это — земное, зримое, осязаемое отражение и продолжение вселенского порядка и воплощение конкретных нравственных установок. Проксемические особенности национальных комплексов жилых построек формируются в соответствии с требованиями внутрисемейного устройства. Несмотря на то, что горские и равнинные поселения осетин имели различные конструктивно-композиционные основы, стандарты домашнего убранства, как и нормы внутрисемейного обхождения, проецирующие поведенческие стереотипы, оставались неизменными.

Коммуникативным центром семейной общины было ее общее помещение – хадзар. Все сложившиеся регламентации являлись отображением компонентов семейного этикета и были глубоко символичны. Общение, некогда происходившее в хадзаре, было весьма официозно и зрелищно. По-видимому, этим и объясняется утверждение В.Ф. Миллера о том, что этикет осетинских жилищ соблюдается «строже, чем в европейских раззолоченных палатах» [8, с.79]. И действительно, поведение в хадзаре, помимо всего прочего, подчинялось строгим правилам этикетной проксемики. Ее специфика определялась универсальным для многих народов принципом «почетный — менее почетный», причем с почетностью ассоциировались пространственные позиции «право», «центр», «верх». Логично предположить, что эти позиции символизировали социальную значимость и уровень полномочий каждого члена семьи.

Существенно, что строгой регламентации (на деле – стереотипизации) подвергалось не только поведение домочадцев, но и само предметно-вещное содержание хадзара, который должен быть обставлен сдержанно, с определением конкретного места для каждого предмета, при этом само количество предметов строго ограничивалось. Известно, что способ предметного обживания пространства традиционного жилища есть действенное и знаковое освоение мира, и в этом смысле осетины не являются исключением — почти каждый объект в хадзаре, помимо утилитарного назначения, был насыщен еще и сакральным смыслом. Особенности стереотипов хранят память о многих архаических представлениях, в частности, о ритуальной связи жилища с высшими силами и с собственными предками. Е. Марков в 1904 г. писал: «Вообще нет предмета в домашней жизни осетина, который не имел бы своего святого или божка» [7]. Фактически недопустимость лишней обстановки хадзара объяснялась семиотическим подтекстом всех допускаемых в нем действий.

Тем не менее, замеченное многими авторами благоговейное почитание своего жилища у осетин в большей мере проявляется в отношении к конкретному объекту — «къона» (семейному очагу). М.М. Ковалевский замечал по этому поводу: «Известно, какую роль играл очаг в домашнем культе одинаково индусов, греков и римлян. Известно, какое место принадлежит ему в свадебном ритуале, в жертвоприношении, совершаемом главою семьи в честь умерших предков и вообще во всех торжественных действиях, отправляемых семьею или от ее имени, например, при усыновлениях, присягах или укрывательстве избегающих правосудия преступников. С тем же культом домашнего очага встречаемся мы в Осетии. До сих пор между осетинками считается дурным пожеланием, своего рода бранью, фраза: «Чтоб у тебя очаг потух!», в глазах осетина такое выражение равнозначно: «Чтоб у тебя семья перевелась!» [5, с. 77].

Действительно, этнологам известны исключительные ритуальные функции очага у многих народов мира. При этом поиски сакрального центра и их связь с очагом считаются распространенным, если не универсальным явлением процесса первичного культурного освоения жилого пространства. Центр необходим, поскольку он составит «точку отсчета», т.е., саму основу общего структурирования традиционных жилищно-поселенческих комплексов. По утверждению А.К. Байбурина, «традиционные формы и способы структурирования жилого пространства (наряду с устройством двора, структурой поселения), отражают устойчивый комплекс представлений, связанных с представлениями, в конечном счете, о строении мира во-первых, и с механизмом ориентации в этом мире, во-вторых» [1, с. 126].

Интересно, что семейный очаг символически воплощал центр даже в тех редких случаях, когда его реальное расположение было иным. В любом случае он считался осью ориентации, организующим центром домашнего пространства, по четыре стороны от которого начиналось его горизонтальное этикетное структурирование в иерархии «зон» престижности. Поскольку именно в представлениях об очаге воплотился мотив сакрального центра, все значимые события осетинской семьи сопровождались культовыми действиями, обращенными к нему: «Осетин вообще очагу придает весьма высокое значение, и жизнь его домашняя главным образом сосредоточивается здесь. Мать или отец благословляют сына в дорогу, дочь — при выходе замуж — здесь же, огнем, очагом осетин клянется. Из всякого приношения первый кусок или первые капли бросаются в огонь. Здесь же у очага осетин проводит свой досуг» [6]. К.Л. Хетагуров отмечает: «Очаг и цепь на нем составляют величайшую святыню каждого осетина» [10] М.М. Ковалевский уточнял, что «важнейшие акты домашней жизни в Осетии связаны с прикосновением к цепи» [5, с. 77]

При высокой семиотической нагрузке очага, непосредственным объектом этикетных кинесических (пластически-жестовых), вербальных (речевых) и прочих стереотипов общения была надочажная цепь («рахыс»). Прикосновение к ней позволялось в ситуациях приведения к присяге, в брачных ритуалах, в обрядах усыновления, побратимства и др. Скрупулезно регламентации подвергалось поведение вблизи очага. Как отмечал В.Ф. Миллер: «Трогать цепь нечистыми руками считается грехом» [215, с. 249]. Всякое прикосновение к ней домашних, в том числе и детей без надобности считается святотатством.

Семиотичность поведения возле очага отражала представления о взаимной связи не только между людьми, но и между людьми потусторонними силами, «представленными» в атрибутивных предметах и объектах. Это диктовало определенные правила и являлось немаловажным компонентом семейного этикета. К предметам культового поклонения можно отнести также и столб «цаджындз», поддерживающий потолочную балку. Посреднический, культово-медиативный характер огня/очага не только выстраивал этикет внутрисемейных отношений, но и проецировал сакрализацию предметов, напрямую с ним связанных. Особое значение в домашнем обиходе отводилось ритуальному столику — фынги даже котлу.

За пределами своего утилитарного назначения, перечисленные предметы и объекты имели экстраконструктивное содержание: они, безусловно, были локативами и наделялись функцией сакральной границы. По мнению А.К. Байбурина, «границы внутри дома... объективируют социальную структуру семьи, являются выражением особенностей религиозной, ритуальной и других видов деятельности человека. Несоблюдение этих границ, точнее, игнорирование приписываемого им содержания, может расцениваться как нарушение правил поведения» [1, с.134]. В каждой традиционной культуре высокое ритуальное и даже магическое значение придается и внешним границам — входу, дверям, окнам, значение которых, функциональное и символическое, совпадает. По свидетельству М.М. Ковалевского, «тяжким оскорблением признается у осетин вход без разрешения в чужое жилище. Как самостоятельный вид преступного действия такое вторжение в чужой дом встречается у осетин крайне редко» [5, с. 142].

Возвращаясь к локативам хадзара, т.е., к его «внутренним границам», важно отметить их участие в сегментировании пространства на внутреннее и внешнее, мужское и женское, сакральное и профанное. Стилистика поведения в разных этикетных «зонах» была не одинакова. Дело в том, что пространственная близость к очагу отражала степень полномочий и компетенции каждого домочадца в системе соподчинения патриархальной семьи. На практике все фиксировалось расстоянием постоянного места члена семьи до очага, но не менее важна была ещё и позиция «справа — слева» от него.

Если обратиться к источникам, то классифицирующая роль проксемики становится очевидной. К примеру, К. Хетагуров так отмечал основной принцип пространственного устройства: «хадзар (сакля) делится очагом на две половины: левая мужская, правая женская» [10]. По традиционному этикету мужская считалась престижнее женской, что имело вполне конкретное выражение: «первая с деревянной или каменной лавочкой вдоль стены, а вторая без всяких приспособлений для сидения» [10]. Отсутствие мебели на женской половине не было закономерностью, но то, что женщины пользовались меньшим комфортом, имело символическое значение и подчеркивало их этикетное «младшинство».

Когда хадзар обставлялся равномерно, указанный принцип выражался в том, что на мужской половине полностью отсутствовала атрибутика труда, в изобилии представленная на половине женской [10]. Так довольно лаконично фиксировалась функциональная сегрегация полов. Известно, что любое традиционное общество в значительной степени ориентируется на категории биосоциальной стратификации: (пол, возраст, место в системе кровно-родственных связей) в определении престижного статуса человека.

Вольные пересечения символической границы между двумя половинами, условно проходящей строго по центру хадзара, имели статус недопустимых нарушений традиционного этикета, гендерных регламентаций в частности. Исходя из данных, содержащихся в источниках, на мужскую половину «женщина попадает редко, если не хочет оскорбить достоинство мужчины» [6, с.81]. Но еще менее допустимо присутствие мужчины на женской половине хадзара. Но по этикету, для удобства (осведомления о распоряжениях главы дома, общей координации и т.д.) в каждой семье был юноша, наделенный такими полномочиями. В любом случае круг лиц, имеющих доступ на женскую половину, был строго ограничен.

Если позициями «право – лево» фиксированы особенности гендерной культуры осетин, то другая базовая пространственная оппозиция: «ближе — дальше» и связанные с ней стереотипы, характеризуют строгую возрастную субординацию. Анализировать её целесообразнее на примере мужской половины хадзара, где царила наистрожайшая иерархия. К примеру, «все расположились, смотря по старшинству лет, в несколько рядов, кто в полусидячем положении, кто на маленьких треножных скамейках» [2].

Уже упоминались критерии определения этикетной престижности места — внутрисемейный статус маркировался не только расстоянием от очага, но и качеством самого сиденья, т.е., степенью его комфортности. В источниках содержится немало указаний на мебель разного удобства: «В одном доме я видел длинную, в 5 футов, скамью вроде дивана, со спинкою, ручками и резьбою. У стен стоят простые скамьи (бандон), всегда на трех ножках, которые придвигаются ближе вочагу — на них сидят только мужчины» [3].

Или у Г.С. Гордеева: «Осетин имеет в своей сакле расставленные около стен скамьи высокие, но узкие, украшенные грубой резной работой, и небольшие круглые кресла на низеньких ножках, вышиной от полу не более пяти или шести вершков» [4].

Информативно, что все авторы, у которых встречаются описания убранства традиционного жилища осетин, выделяли особое место главы дома, даже если не вникали во все прочие детали. Наиболее почетное место, максимально приближенное к очагу, по праву принадлежало главе семейства — центральной фигуре общины: «...особое деревянное кресло, большей частью изукрашенное резьбой, иногда глубокой старины. Это почтенное семейное кресло служит только для отца, переходя из рода в род как атрибут родительской власти» [7, с.169]. Вообще кресло главы семьи (хадзарыхицау) занимает важное место в числе предметно-вещных, атрибутивных родовых маркеров, оно едва ли не причисляется к ряду культовых предметов хадзара.

Этикетный статус каждого члена семьи, таким образом, находил свое концептуально-знаковое выражение в правилах проксемики, и с особой строгостью они действовали на мужской половине хадзара. Самое почетное (и удобное) место у очага — чаще всего ближе к внутреннему углу помещения, принадлежало семейному патриарху. Далее, от очага и ближе к выходу располагались менее комфортные сидения — узкие стулья, сводящие к минимуму возможность жестикуляции. Еще дальше — треногие низкие табуретки, сковывающие движения, сидение на которых вызывало ощущение крайнего дискомфорта. Все сидения были рассчитаны не на вольготное и досужее расслаживание, а лишь на недолгое и несмелое присаживание в присутствии старших (в сущности полусидячее положение). Поскольку в народном мировоззрении «место» мужчины определялось вне хадзара, а достойной сферой его деятельности представлялся круг общественных (общинных), а не домашних дел, мебель исключала удобства для всех. В источниках многократно описаны узкие или неустойчивые стулья кроме самых старших («полукруглые кресла со спинками»). Особенности интерьера традиционного жилища отражали актуализацию семейного этикета, согласно которому положение сидящих «ниже», т.е. в отдалении от приоритетно-престижных объектов, символизировало подчиненное, наиболее строго регламентированное поведение младших.

Возрастная иерархия на женской половине была представлена степенью престижности расположения трудовых мест. Выпечка считалась наиболее почетной женской обязанностью — и приспособления для нее располагались в наиболее престижной зоне, на «втором» месте располагалась маслобойка и далее — по убывающему принципу вплоть до двери (самая непрестижная позиция), где стояли ведра для ношения воды. Доставлять воду

от реки или колодца считалось уделом младших женщин. Это рассматривалось как своеобразный «старт» по ступеням престижного трудового статуса.

Стереотипы, связанные с организацией дместифицированного пространства, традиционного жилища осетин, хранят архетипичность связанных с ним действий и представлений. Содержательный анализ основных поведенческих стереотипов и стандартов в убранстве хадзара, доказательно свидетельствует о том, что они являлись манифестацией возрастного и гендерного принципов, как порядка, ниспосланного свыше. Во многом ритуализованные, проксемические стереотипы и пространственные представления осетин, с одной стороны, представляют этнографическое прошлое народа, а с другой — отражают универсальные формы познания и освоения реального окружения, в-третьих, они в реликтовой форме запечатлевают образно-символическое (но повседневно реализуемое) воспроизводство субъективной картины жизни этноса.

Органично существуя в этой системе, человек традиционного общества легко ориентировался среди многих сакральных объектов, «читая» их знаковую и смысловую нагрузку, ретранслируя (в том числе с помощью поведенческих стереотипов) статус, закрепленных за некоторыми предметами, гарантов благополучия семейной общины.

Традиционная проксемика, связанные с ней стереотипы, будучи материальным воплощением ритуально-мифологической и прагматической деятельности человека, способствовала закреплению многих ее категорий и воспроизводству их во времени.

Список литературы

1. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки. Л.: Наука, 1990.
2. Бакрадзе Д.З. Осетины-георгианцы //Кавказ. 1851. № 69.
3. Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношения народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. В 2-х частях. Ч. 2. СПб.: Типография Главного Штаба по Военно-Учебным заведениям, 1857.– С.84
4. Гордеев Г.С. Вероисповедание, суеверие, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Тифлисские ведомости. 1830 .№ 28.
5. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1, М.: «Кучково поле», 2012.
6. Кокиев С.В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемых Дашковским Этнографическим музеем. Т.1. М., 1885.С.66 -112. С. 85
7. Марков Е.Л. Очерки Кавказа. СПб. – М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1904. С.163.

8. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. В 3-х томах. Т.2. М., 1882
9. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. Спб.: Изд – во СПбГУ, 2003.
10. Хетагуров К.Л. Произведения. Литературно-художественное издание. Владикавказ: Изд-во «Ир», 2009. – С. 425.

Рецензенты:

Туаллагов А.А., д.и.н., профессор отд. археологии ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН при Правительстве РСО – Алания, г. Владикавказ;

Айларова С.А., д.и.н., профессор, зав. отделом истории ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН при Правительстве РСО – Алания, г. Владикавказ.